

DANIEL BUNČIĆ

Вопн

ЭНАНТИОСЕМИЯ ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КАК ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ

В языках мира существует удивительное явление — внутрисловная комбинация омонимии и антонимии, т. е. выражение противоположных значений одним и тем же словом. К самым знаменитым примерам относятся лат. *altus* «высокий; глубокий», рус. *объехать* «обывать везде; минуть», нем. *abdecken* «открывать; закрывать»¹ и пол. *rozuścić* «давать на время; брать на время»².

Этот феномен известен давно. Еще Цицерон произнес «*tollendum esse Octavium*», т. е. «следует возвысить Октавия» или же «следует убрать Октавия» (ср. Новиков, 1973, с. 182; Hegel, 1831, 1964 с. 120 и сл.). Г. В. Ф. Гегель использовал в своей философии двойное значение слова *aufheben*:

Aufheben в языке имеет двойной смысл, обозначая «хранить, содержать» и одновременно «прекращать, оканчивать». Само сохранение уже включает то отрицательное, что выводится из своей непосредственности и таким образом из существования, открытого внешним воздействиям, чтобы сохраниться. — Значит, прекращенное одновременно является и сохраненным, лишь потерявшим свою непосредственность, но не уничтоженным³ (Hegel (1831), 1964, с. 120).

¹ К первому значению относятся такие переводы, как «снимать (крышу), убирать (со стола), сдирать (шкуру)», ко второму «укрывать, покрывать, заслонять (источник света), прикрывать (игрока команды противника)».

² Там, где не указано иначе, примеры энантиосем в этой статье взяты или из собственного собрания, или у Марковского (Markowski, 1986, с. 63 сл.), Новикова (1973, с. 181–192), Шершля (1883, 1973).

³ „Aufheben hat in der Sprache den gedoppelten Sinn, daß es so viel als aufbewahren, erhalten bedeutet, und zugleich so viel als aufhören lassen, ein Ende machen. Das Aufbewahren selbst schließt schon das Negative in sich, daß etwas seiner Unmittelbarkeit und damit einem den äußerlichen Einwirkungen offenen Daseyn entnommen wird, um es zu erhalten.“

Эта «внутрисловная антонимия» (Новиков, 1973, с. 182) получила название «энантиосемия», однако до сих пор считается, что это какой-то удивительный недостаток языка, который должен вымирать в современных литературных языках, или, как сказал В. Шерцль: „чем язык древнее и чем народ примитивнее, тем чаще встречается это явление” (Шерцль, (1884), 1973, с. 259). На фоне более современного мировоззрения эта мысль звучит так: „Это явление непродуктивно в современном языке и служит в основном своеобразным реликтом семантики древних корней” (Новиков, 1973, с. 192). Это мнение основывается, с одной стороны, на том, что энантиосем очень мало. Например, Анджей Марковски (Markowski, 1986, с. 63) не нашел ни одного примера энантиосемии среди польских прилагательных.¹ С другой стороны, обычно исходят из того, что энантиосемия затрудняет процесс коммуникации еще больше, чем обыкновенная омонимия, в связи с чем язык-организм старается вытеснить эти явления.

Хотя тенденция к устранению многозначности в языке действительно существует, ликвидация омонимии встречается гораздо реже, чем обычно предлагается (ср. Будагов, 1963, с. 243). На самом деле, энантиосемия в европейских литературных языках никак не вымирает, а наоборот, постоянно образуются новые примеры этого феномена, ср. в русском молодежном жаргоне *абзац* «о чем-л. вызывающем резкое неодобрение; о чем-л. очень хорошем, вызывающем одобрение» (Никитина, 1998, с. 9); из немецкого молодежного жаргона можно привести целый ряд прилагательных с теми же значениями: *ätzend, fett, fetzig, geil, höllisch, gut, irre, krass*. Оценочная энантиосемия присутствует и в русском жаргонном глаголе *приколоться*, ср. следующие примеры (взяты из кн.: Никитина, 1998, с. 353 и сл.):

Вот сволочь, мало того, что два ставит, ещё и приколется (посмеётся — Д. Б.) над тобой.

Я к этой герле прикололся (влюбился в эту девушку — Д. Б.).

С другой стороны, можно возразить, что такие примеры из жаргона скорее подтверждают теорию о «примитивности» энантиосемии.

— So ist das Aufgehobene ein zugleich Aufbewahrtes, das nur seine Unmittelbarkeit verloren hat, aber darum nicht vernichtet ist” (перевод с нем. яз. — Д. Б.).

¹ В некоторых работах о более экзотических (или же «примитивных») языках приводится множество примеров энантиосемии, многие из которых, однако, очень спорны: Так, Безносикова (1984, с. 9) из языка коми приводит пример *мешуцькысь кысьтны* «высыпать из мешка» и *мешуцькысьтны* «всыпать в мешок», где глагол *кысьтны*, очевидно, обозначает просто «сыпать», а падежные окончания существительного «мешок» в этом агглютинативном языке выполняют функции предлогов во флективных языках.

Однако, подобные случаи зафиксированы и в более научных пластах лексики: например, к важной сфере современного общества — к области финансов относятся пол. *kurier* «торговец, коммерсант, купец; покупатель» и приводимый выше польский пример *pożyczać*, а также его немецкий и русский эквиваленты *leihen* и *одолжить* (хотя употребление последнего в значении «взять в долг» считается неправильным (ср. Новиков, 1973, с. 182)².

Всё это указывает на то, что энантиосемы (как и остальные омонимы) серьезной проблемы для коммуникации не представляют, „так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом” (Шанский, 1964, с. 43). Можно даже предположить, что энантиосемия, также, как и омонимия вообще, «явление полезное» (Малаховский, 1990, с. 24). Гегель, обсуждая идеальные для науки свойства языка, даже заметил:

У немецкого языка (...) много преимуществ перед другими современными языками; некоторым его словам даже свойственно, что они имеют не только различные, но и противоположные значения (...); встреча с такими словами может обрадовать мышление (Hegel (1831), 1964, с. 21 сл.)³.

Если мы принимаем дефиницию так называемых «ложных друзей» (или «псевдо-аналогонимов», ср. Бунчич, 2000, с. 15) как «межъязыковых омонимов», тогда можно говорить также о межъязыковой энантиосемии. Она наблюдается во множестве «ложных друзей», ср. рус. *запомнить* и пол. *zapomnieć* «забыть», рус. *вонь* «дурной запах» и пол. *woń* «аромат», рус. *криминалист* «специалист по криминалистике» и пол. *kryminalista* «уголовный преступник», пол. *no* «ну, да» и итал. *no* «нет» или пол. *absolutnie* «нет, ни в коем случае» и англ. *absolutely* «да, во всяком случае»⁴. На межъязыковом уровне встречается намного больше энантиосем, чем в пределах одного языка. Во-первых, здесь не существует механизмов, устраняющих омонимы из языка.

² В ротических разновидностях английского языка (т. е. вариантах с вокализованным /t/) приставки *hyper-* «над-» и *hypo-* «под-», часто употребляющиеся в научной терминологии (в том числе и для образования новых терминов), произносятся одинаково. Таким образом, потенциально существует множество таких омофонов, как *hypertension* «гипертония, повышение артериального давления» и *hypotension* «гипотония, понижение артериального давления».

³ „(D)ie deutsche Sprache hat (...) viele Vorzüge vor den anderen modernen Sprachen; sogar sind manche ihrer Wörter von der weiteren Eigenheit, verschiedene Bedeutungen nicht nur, sondern entgegengesetzte zu haben (...); es kann dem Denken eine Freude gewähren, auf solche Wörter zu stoßen (...)” (перевод с нем. яз. — Д. Б.).

⁴ Дополнительные примеры приводит Плотноков (1979, с. 33 сл.). Из языка жестов можно привести кивок головы как знак согласия в большинстве европейских стран, а в Болгарии — как знак отрицания.

Во-вторых, причины появления межъязыковой энантиосемии отличаются большим многообразием. К примеру, одна из самых знаменитых пар энантиосем, рус. *уродливый* «очень некрасивый» и пол. *urodzimy* «красивый», образовалась чистой случайностью, а именно, совпадением приставок со значением «не-» и «вверх, воз-» в *-и-.

Очевидно, что энантиосемия между двумя языками гораздо больше мешает взаимопониманию, чем внутриязыковая энантиосемия. Чтобы установить причины разного статуса этого явления в данных коммуникативных ситуациях, попытаемся выявить различия между внутриязыковой и межъязыковой коммуникацией.

Как было отмечено выше, значение внутриязыковых энантиосем определяется контекстом. Это осуществляется в двух планах. Во-первых, разные значения слова употребляются только в определенных ситуациях, так что слушатель (или читатель) может исключить те значения, которые в данной ситуации неприменимы. Во-вторых, из-за избыточности в языке почти всё произносится по несколько раз, так что адресат обычно может восстановить даже совершенно неразборчивые слова.

В отличие от вышеуказанной ситуации, человек, говорящий на иностранном языке, не может (или не успевает) воспринять все детали текста, так что избыточность для него сводится к нулю.⁸ Конечно, он и не знает, в каких ситуациях какие значения слов применяются. Часто он вообще не знает слова и поэтому он вынужден прибегать к догадкам о его значении. Ситуация при этом не помогает, потому что из-за общего элемента в значении антонимы могут употребляться в одинаковых контекстах, напр. пол. *czerstwy* «черствый» и чеш. *čerstvý* «свежий» по отношению к хлебу: *czerstwy chleb* — *čerstvý chléb*. Кроме того, иностранец воспринимает всю ситуацию, исходя из своего родного культурно-языкового мировоззрения. По этим причинам, чувствуя себя неуверенным, он основывает свои догадки на формальных сходствах со словами родного языка (особенно когда языки близкородственны). В этом заключается лукавство «ложных друзей».

⁸ Поэтому (как, наверное, испытывали все, изучавшие иностранный язык) чужую речь нам необходимо слышать громче и при лучших обстоятельствах, чем родную. С этим наблюдением очень хорошо сочетается подход к проблеме «ложных друзей», который предлагает Льюис (Lewis 2000, с. 21–24). Он описывает энантиосемии как особый вид шума в межъязыковом канале передачи информации. Можно добавить, что этот вид шума отличается тем, что он не накладывается на сообщение, а наоборот, убирает часть информации.

К тому же, когда передающий и воспринимающий информацию одинаково владеют кодом, который используют при общении, тогда говорящий (и тем более пишущий) почти инстинктивно избегает изречений, допускающих неправильное толкование. В межъязыковой коммуникации, разумеется, говорящий на родном языке не знает, какие именно слова у собеседника вызывают недоразумение.

Энантиосемия, особый случай семантики, постоянно давала повод к размышлениям о различиях между коммуникацией на неродном языке и «нормальной» коммуникацией. Вышеописанные процессы, обеспечивающие взаимопонимание при коммуникации на общем для обоих собеседников языке, но недоступные носителю другого языка, присутствуют всегда, и следует иметь в виду связанные с ними проблемы при общении с иностранцем.

ЛИТЕРАТУРА

- Hegel G. W. (1831), 1964, *Wissenschaft der Logik: 1. Teil: Die objektive Logik*, [w:] Hermann Glockner (eds.), *Sämtliche Werke: Jubiläumsausgabe in zwanzig Bänden*, t. 4, Stuttgart, Bad Cannstatt.
- Lewis K., 2000, *Problem buke u priopćajnom kanalu te njezino optimjerenje u slavenskoj homonimiji*; неопуб. дипл. раб. Zagreb.
- Markowski A., 1986, *Antonimy przymiotnikowe we współczesnej polszczyźnie na tle innych typów przeciwstawień leksykalnych*, Wrocław.
- Безносикова Л. М., 1984, Энантиосемия в коми языке (*Enantiosemy in the Komi language*), Доклад на заседании Президиума Коми филиала АН СССР 29 ноября 1984 г. (к VI Международному конгрессу финно-угроведов, № 6), Серия препринтов «Научные доклады», вып. 110, Сыктывкар.
- Будагов Р. А., 1963, *Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки)*, Москва.
- Бунčić Д., 2000, *Псевдо-аналогонимия: «Ложные друзья переводчика» как единица сопоставительной лексикологии*, [в:] *Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*, вып. 11, Санкт-Петербург.
- Новиков Л. А., 1973, *Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике)*, Москва.
- Никитина Т. Г., 1998, *Так говорит молодежь: Словарь сленга: По материалам 70–90-х годов*, 2-е изд., Санкт-Петербург.
- Малаховский Л. В., 1990, *Теория лексической и грамматической омонимии*, Ленинград.

Плотников Б.А., 1979, *Видове лексикални отношения между еднокоренни думи в славянските езици* (перевод с рус. яз. Илинки Райковой), „Съпоставително езиковедие” № 2.

Шанский Н. М., 1964, *Лексикология современного русского языка*, Москва.

Шерцль В. И., 1973, *О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии)*, [в:] Ф. П. Филин (ред.), *Хрестоматия по истории русского языкознания*, Москва.

KATARZYNA WOJAN

Gdańsk

WSTĘP DO MIĘDZYJĘZYKOWEJ HOMONIMII WEWNĘTRZNEJ

Wprowadzenie

Wszystko przez tę aferę z wieżą Babel. Od chwili pomieszania języków użytkownicy odmiennych systemów językowych biedzą się i trudzą nad znalezieniem optymalnego sposobu porozumiewania się. Od tysięcy lat trwają prace nad udoskonalaniem systemu translacji, opracowywaniem zróżnicowanych słowników dwu- i wielojęzycznych, tezaurusów itp., jednakże o pełne zrozumienie między ludźmi różnych języków, jak uczy doświadczenie, wcale nie jest łatwo. Wydaje się, iż niezależnie od benedyktyńskiego cyzelowania znaczeń i rozumień każdego ze słów przy tworzeniu nawet najdoskonalszych słowników przekładowych, warto zajrzeć do głów użytkowników odmiennych systemów językowych, sprawdzić, jak dalece ich temperament intelektualny i językowy, zmysł dowcipu itd. są zbieżne lub nie. Trzeba zapytać przewrotnie: w jakim stopniu „tłumaczyć”, a w jakim pisać na nowo w duchu obcego języka? Trzeba „zajrzeć do głów” użytkownikom obydwu języków, gdy myślą, i skonfrontować obie zawartości. To „zagłądanie do głów” można przeprowadzić paradoksalnie właśnie poprzez analizę porównywanych systemów językowych, ale trzeba to robić nieco przewrotnie. Wspólnota leksyki, zapożyczenia wzajemne i z systemów trzecich są raczej przejawem racjonalności zachowań użytkowników poszczególnych systemów językowych, niż wyrazem podobieństwa ich sposobu „myślenia językiem”. Tak rozumiana racjonalność zachowań językowych wynika z sąsiedztwa, dominacji jednej z kultur lub dominacji politycznej z wygody, z lenistwa nawet. Grek bez problemu przyjmie do swego zasobu leksykalnego słowo utworzone przez Anglika, jeśli tak jest mu wygodnie, ale czy to świad-